

КАК ВСЕ-ТАКИ здорово наши предки умели выбирать места для поселений! Так поставят городок или селцо, чтобы рядом — и речка, и поля с травами высокими, и леса богатые. И жить можно припеваючи, и красота вокруг неопишная. А с красотой этой они в ладу всегда были, хотя, казалось бы, все на глазах делало, без всяких нынешних технико-экономических решений.

Мы же сегодня селимся как-то в спешке, высчитывая сиюминутные выгоды, не думая о последствиях. Нагромождаем себе трудности и проблемы, потом дружно и упорно их преодолеваем и решаем. А места, издревле облюбованные людьми, мы понемногу забрасываем. Хиреют они, а то и попросту исчезают — сначала с географических карт, потом и из памяти нашей.

Впрочем, это только при-сказка. Дело — впереди.

КОГДА впервые попадаешь в село Усть-Хайрюзово, на эту плоскую, продуваемую всеми охотскими ветрами равнину, никак не верится, что где-то тут, рядом (всего-то час на моторке вверх по реке Хайрюзовской) находится «наша Швейцария», как говорят местные старожилы. Насчет Швейцарии не знаю — не бывал, но климат и природа в национальном селе Хайрюзово — на зависть. В отрогах сопков, на берегу речушки Тихой, что, соединяясь с Быстрой, образует Хайрюзовскую, примостилось это селцо, название которого, гласит легенда, означает «каменистая местность». Вокруг, наверное, на сотни верст места лучше не сыщешь. Растить бы селу да хорошеть!

Так оно раньше и было. За дореволюционных лето-

писцев придумывать не стану, а вот старожилы хайрюзовские, которые вспоминали при мне дела и реалии 20, 30, 40 и 50-х годов, рассказывали вещи просто удивительные.

Колхоз, который образовался тут в 32-м году, снабжал свежей картошкой Усть-Хайрюзово, Тигиль и Палану. Под картофель было занято 19 гектаров земли, а урожай снимали до 126 центнеров. Выращивали редиску, морковь, капусту, турнепс. Капусты, например, собирали по 420 центнеров с гектара.

Был тут и свой рыбооп. Рыбой здешние места богаты, и, кстати, икру чуть ли не на экспорт отправляли.

Да что уж так далеко заглядывать, возьмем хотя бы

середину семидесятых. Хайрюзовская свиноферма приносила доход селу до 70 тысяч рублей в год.

— И куда мясо девали? — спросил я Александру Михайловну Смелову, председателя сельсовета.

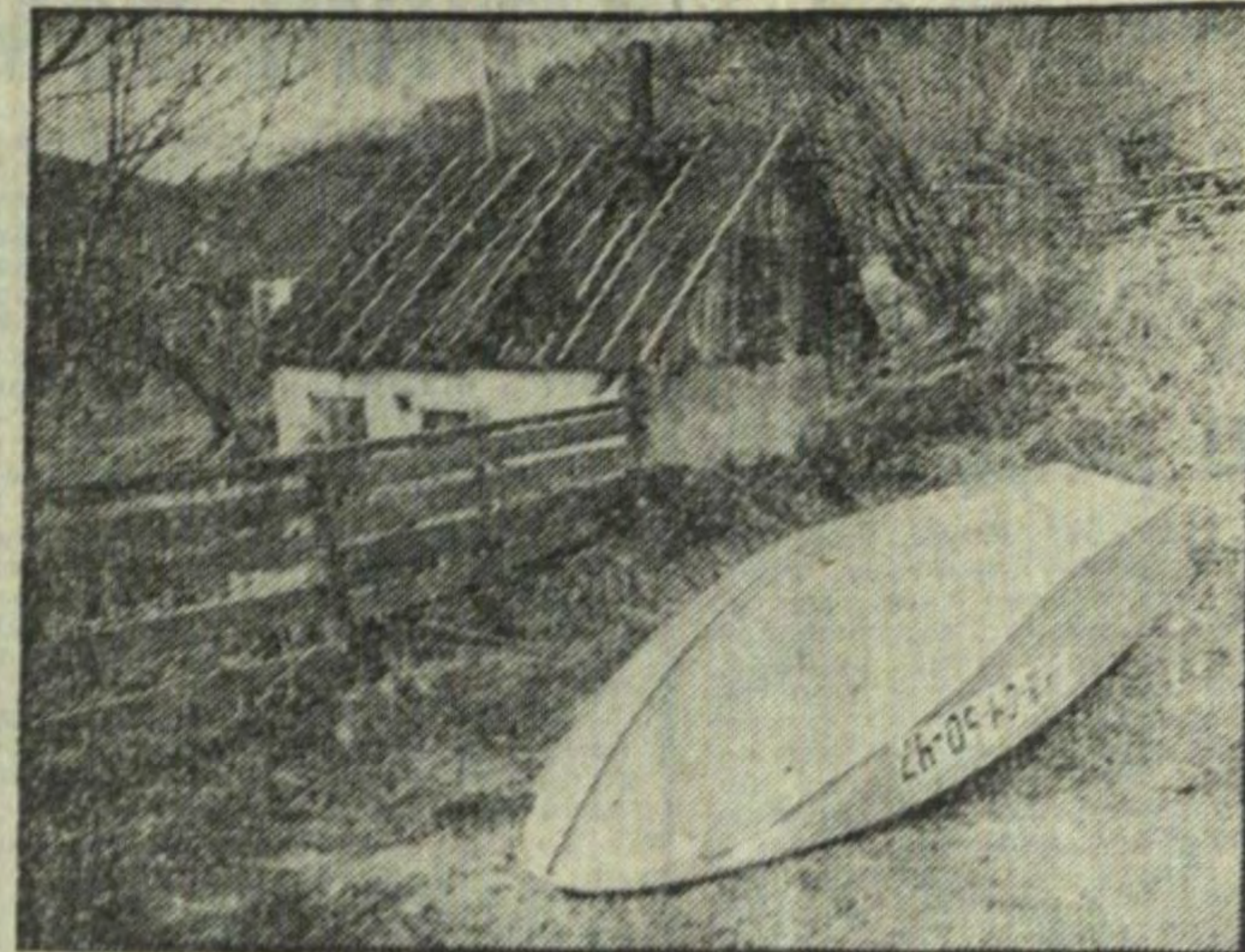
— Меняли на яблоки, на мед...

— Это с кем же?

— Как с кем? С Петропавловском. Прилетала сюда «аннушка», садилась прямо на воду, и происходил у нас натуральный обмен...

Это что! Сейчас я скажу вам вещь еще более фантастическую (по нынешним временам). Был в этом селе свой кирпичный завод. То есть, стройся — не хочу!

Я НАЗЫВАЮ все это фантастикой потому, что сегодняшней вид, сегодняшняя жизнь села располагают к размышлениям грустным. Хайрюзовцам остается

гордиться прошлым, но никак не настоящим. О будущем же пока умолчим.

Хиреет село, распадается как-то, что ли. Когда-то жило здесь до шестисот человек. Сейчас — чуть более четырехсот. Народу меньше, а с жильем — все хуже и хуже. Специалистов, скажем, селить негде.

— А нужны специалисты? — наивно спрашиваю Смелову.

— Еще как! Врач для больницы, медсестра в детский садик... А в школу?

Со школой совсем, как говорится, дело труба. Школа в Хайрюзово трехлетняя. А дальше — отправляй детишек в интернат. Или при себе держи, сам грамоте обучай. А ведь была когда-то восьмилетка!

И вот так во всем: куда ни кинь, везде слова мелькают — «был», «была», «бы-

ло». А что же тогда «есть»?

А есть в Хайрюзово ферма от колхоза «Красный Октябрь» да отделение совхоза «Тигильский», в котором три звена оленеводов. Чувствуете, в чем фокус? Верно. Повисло Хайрюзово меж двух хозяев. А значит, осталось без хозяина, если говорить просто и по существу.

И колхоз, и совхоз имеют в Хайрюзово свой маленький интерес, хотя интересом это назвать трудно: ферма, что называется, «погоды» для «Красного Октября» в его сельскохозяйственных показателях не делает, да и оленеводческое отделение, пусть и рентабельное, не слишком заботит руководителей «Тигильского». Словом, повторюсь, интерес этих двух хозяйств в Хайрюзово настолько мал, что не видят там необходимости вкладывать какие-либо средства в развитие

села. Причем, не только экономическое, но и социальное.

Наверное, не видят для своих хозяйств скорой отдачи от подобных капиталовложений. Понятное дело, легче дожидаться, пока село само захиреет окончательно. А потом? Начнем решать созданную на пустом месте проблему? Будем перевозить оставшихся престарелых жителей в окрестные села района?

Вы спросите, почему «престарелых»? Да потому, что при школе-трехлетке здесь скоро, наверняка, ни детей, ни молодежи не останется.

А молодежь-то здесь боевая была когда-то. А. М. Смелова вспоминала, как в конце 40-х — начале 50-х годов комсомольцы на месте

ми в агитпункте. Пусть читатели простят мне небольшой «допуск» в моих предположениях, но уверен, что речь в тех неофициальных беседах шла и об улицах села, ставших после многодневных дождей буквально непроходимыми. Не улицы, а болото. Наверное, районное руководство попыталось что-то предпринять накануне выборов. То есть, «дырочку», скорее всего, срочно «залатали». А дальше?

Сейчас село Хайрюзово буквально вопиет о помощи. Какой она должна быть — не знаю. Да и вряд ли журналист может вот так, с наскоку, выдавать готовые рецепты, если этого пока не сделали работавшие в селе комиссии разных уровней. Но что-то реальное надо делать обязательно и в самое ближайшее время. Иначе при нашем попустительстве, равнодушии и безалаберности свершится то, к чему все пока и идет: село исчезнет с карты Камчатки, как бесперспективное.

ПОРА было собираться в обратный путь. Я стоял на главной улице Хайрюзова, разделивший село на две половинки. Через эту улицу можно было перебираться только по мосткам, рискуя угодить в грязь.

Солнце постепенно скатывалось за горизонт, освещая вечерними лучами невысокие домишки. Хотелось стоять и смотреть, стоять и смотреть, вбирая в себя образ этого села, вдруг так неожиданно засевшего беспокойной занозой в сердце. Хотелось запомнить и донести другим людям. Чтобы не появилось в истории Камчатки еще одно закрытое национальное село.

Боль моя, Хайрюзово... Наша боль.

С. БОРОВКОВ.
Фото В. ГУМЕНЮКА.